

НА КРЫЛЬЯХ ЛЮБВИ

Барбара Картленд

Увлечение
герцога

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

На крыльях любви

Барбара Картленд
Увлечение герцога

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1990

УДК 821.111
ББК 84(4ВЕЛ)

Картленд Б.

Увлечение герцога / Б. Картленд — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1990 — (На крыльях любви)

ISBN 978-6-1712-4145-9

Майкл, сын лорда Мура, влюбляется в первую красавицу Лондона леди Фелицату, дочь графа Уоргрейва. Они проводят вместе прекрасные дни, и кажется, что юные влюбленные сердца ждут счастливое будущее. Но однажды Фелицата сообщает Майклу, что выходит замуж за Саймона Харрингтона, старшего сына герцога Камбрии. Она говорит, что, хоть и любит Майкла, счастливой жизни у них не будет, поскольку он недостаточно богат... Майкл в тот же вечер уплывает в Индию – лечит войной разбитое любовью сердце. Однако вскоре ему придется вернуться в Англию, где его ждет борьба за законное наследство и новую, настоящую любовь... Майкл, сын лорда Мура, закохується в першу красуню Лондона леді Феліцату, дочку графа Ворґрейва. Вони проводять разом чудові дні, і здається, що на юні закохані серця чекає щасливе майбутнє. Але одного разу Феліцата повідомляє Майклу, що виходить заміж за Саймона Харрінґтона, старшого сина герцога Камбрії. Вона каже, що, хоч і любить Майкла, щасливого життя в них не буде, оскільки він недостатньо багатий... Майкл того ж вечора вирушає до Індії – лікувати війною розбите коханням серце. Однак незабаром йому доведеться повернутися до Англії, де на нього чекає боротьба за законну спадщину й нове, справжнє кохання...

УДК 821.111
ББК 84(4ВЕЛ)

ISBN 978-6-1712-4145-9

© Картленд Б., 1990
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1990

Содержание

«Розовая серия» Барбары Картленд	7
Глава первая	8
Глава вторая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Барбара Картленд

Увлечение герцога

Роман

Barbara Cartland

Danger to the Duke

© Cartland Promotions, 2013

© DepositPhotos.com / Tihon6, обложка, 2017

© Shutterstock.com / creativepro, Jiffy Avril, horiyan, Elnur, обложка, 2017

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

«Розовая серия» Барбары Картленд

Барбара Картленд, скончавшаяся в мае 2000 года в возрасте девяноста девяти лет, по праву считается самым известным автором романов о любви. Она была самой плодовитой писательницей в истории, поскольку за год могла написать больше книг, чем любой другой автор, благодаря чему занесена в Книгу рекордов Гиннесса.

За свою жизнь она написала семьсот двадцать три книги, которые были переведены на тридцать шесть языков, и их общий тираж составил свыше миллиона экземпляров.

После ее смерти неизданными остались сто шестьдесят рукописей – больше, чем у какого-либо другого писателя.

Помимо романов о любви, из-под ее пера вышли исторические биографии, шесть автобиографий, театральные пьесы, практические пособия о жизни, любви, пользе витаминов и поваренные книги. Она также была политическим обозревателем и ведущей радио-и телепрограмм.

Свою первую книгу, «Ажурная пила», Барбара Картленд написала в двадцать один год. Книга стала мировым бестселлером и была переведена на шесть языков. Барбара Картленд продолжала писать всю жизнь, на протяжении семидесяти шести лет. Ее романы пользовались потрясающей популярностью в Соединенных Штатах Америки. В 1976 году ее книги заняли первое и второе места в списке бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс» – такого успеха не знал никто из авторов ни до, ни после нее.

Барбара Картленд стала легендой еще при жизни и навсегда запомнится нам своими чудесными романами о любви, которыми восторгаются читатели по всему миру.

Моральная чистота и высокие душевные качества героинь ее романов, доблесть и красота мужчин и прежде всего непоколебимая вера писательницы в силу любви – вот за что любят Барбару Картленд читатели.

Человек не способен влюбиться по заказу или собственному желанию. Любовь – это дар Божий.

Барбара Картленд

Глава первая

1885 год

Лайнер Восточно-Островной пароходной компании двинулся к выходу из гавани Александрии, и майор Майкл Мур наконец-то вздохнул с облегчением.

Индия осталась далеко позади, а он, к своему невероятному изумлению, был еще жив.

Впрочем, не зря же ведь вице-король, маркиз Дафферин, сказал ему:

– Я искренне признателен вам, Мур, за то, что вы спасли жизнь мне и еще многим британским солдатам. С другой стороны, отныне вас взяли на заметку, и чем скорее вы отправитесь домой в долгий отпуск, тем лучше.

Майкл Мур понимал, что в словах вице-короля есть здравый смысл.

Дело в том, что он принимал активное участие в одной из самых опасных и страшных тайных операций, какие только видел на своем веку.

Прибыв в Индию в ранге субалтерн-офицера, он, подобно многим другим, увлекся тем, что впоследствии получило название Большой игры¹, возникшей еще в первые годы столетия, после того как русские войска начали наступление на Кавказе.

Сокрушив племена горцев после долгого и отчаянного сопротивления, русские обратили свой взор на восток.

На огромной территории среди пустынь и горных цепей раскинулись Хивинское и Бухарское ханства, но только после того, как русские с легкостью покорили их, стало понятно, что и Индии может угрожать опасность.

Один за другим древние города, лежавшие на пересечении торговых путей, пали под натиском закаленных в боях русских казаков, которые подступали все ближе и ближе к плохо охраняемым границам Индии.

И тогда британские военные приняли участие в том, что шепотом именовалось Большой игрой.

Раз за разом они рисковали своими жизнями.

Они заполняли белые пятна на картах, докладывали о передвижениях русских и пытались заручиться расположением подозрительных и недоверчивых ханов. Многие так и не вернулись с опасного северо-запада, пав смертью храбрых при ужасающих обстоятельствах.

С возрастанием угрозы со стороны России число участников Большой игры все увеличивалось. Большинство из них были настоящими профессионалами, офицерами индийской армии или шпионами, и начальство отправляло их в Калькутту для сбора сведений любыми возможными способами.

Другие были любителями, а иногда и вовсе независимыми путешественниками, добивавшимися тем не менее потрясающих успехов в том, что один из царских министров назвал «войной теней».

Впрочем, за время службы в Индии Майкл тоже стал профессионалом. Вице-король и штаб армии поручали ему задания, которые считались слишком опасными для остальных, но он неизменно выполнял их с блеском.

Главным образом это объяснялось тем, что, впервые прибыв в Индию, он не слишком ценил собственную жизнь.

Собственно говоря, он был даже рад отправиться в Индию, чтобы сбежать из Англии, где оставил разбитое сердце.

---

¹ Большая игра – геополитическое соперничество между Британской и Российской империями за господство в Южной и Центральной Азии в XIX – начале XX в. (Здесь и далее примеч. ред.)

Майкл Мур был сыном лорда Чарльза Мура, третьего сына четвертого герцога Грейнджмура.

Герцог был весьма состоятельным и видным сановником, но он изгнал Чарльза из лона семьи, и Майкл никогда не встречался со своим дедом.

Лорд Чарльз взбунтовался против старинной семейной традиции, согласно которой отец должен был выбрать ему супругу.

Оба его старших брата смиренно повиновались желаниям отца, и, когда обоим исполнился двадцать один год, герцог должным образом устроил их браки. Он остановил выбор на молодых женщинах голубой крови, семьи которых, по его разумению, не уступали знатностью его собственной.

Старший брат лорда Чарльза женился на исключительно скучной и несимпатичной особе, дочери их соседа-герцога, друга их отца.

Своему среднему сыну герцог выбрал болгарскую принцессу, чей отец отчаянно подыскивал подходящий предлог для того, чтобы поднять «Юнион Джек»² над своей небольшой и не слишком хорошо защищенной страной.

По мнению лорда Чарльза, оба его брата если и не были откровенно несчастливы в браке, то полагали своих жен нестерпимо скучными особами и при первой же возможности изменяли им.

Сам же лорд Чарльз был идеалистом и походил скорее на мать, чем на отца.

Как раз перед двадцать первым днем рождения ему было сказано, что пришло время жениться на девушке голубой крови, которую его отец считал бы вполне достойной кандидатурой, и он немедленно отбыл в Лондон на поиски будущей супруги, в союзе с коей мог бы рассчитывать обрести некоторое счастье.

И он действительно нашел ее, хотя это и показалось ему чудом.

Все случилось через неделю после того, как он начал бывать на балах в Мэйфэйр. Поскольку сам он был сыном герцога да и родители его были уважаемы в высшем обществе, матери с дочерьми на выданье приветствовали его с распростертыми объятиями, хотя, как третий сын, он едва ли мог рассчитывать когда-либо унаследовать титул.

И вот на званом ужине перед очередным балом, который давала одна из самых влиятельных светских дам Лондона, лорда Чарльза усадили рядом с молодой девушкой, которая показалась ему сколь потрясающе красивой, столь же невероятно застенчивой.

Тем не менее из беседы он узнал, что ее пригласили в самый последний момент, дабы заменить молодую женщину, которая нехотела захворала.

– Я всего лишь дочь викария, – сообщила она ему, – из деревни, где у нашей хозяйки есть огромный красивый особняк, и потому она иногда удостоивает меня приглашения.

Ее красота и честность по отношению к самой себе произвели несомненное впечатление на лорда Чарльза.

Они танцевали вместе, и к концу вечера он понял, что влюбился. Это была любовь с первого взгляда, в существование которой он не верил.

И сейчас это случилось с ним.

Неделей позже он предложил дочери викария, которую звали Сильвией, руку и сердце.

Поскольку сам он был очень красив и невероятно обаятелен, и она влюбилась в него без памяти.

Лорд Чарльз вернулся в деревню и уведомил отца, что, как тот и желает, он женится по достижении двадцати одного года.

Герцог, однако, пришел в смятение и ярость оттого, что его сын намерен заключить столь неподобающий мезальянс.

---

² «Юнион Джек» – один из государственных символов, флаг Великобритании, «Союзный гюйс».

Взбешенный, он заявил Чарльзу, что уже начал переговоры о его женитьбе на дочери маркиза, и запретил ему даже думать о Сильвии.

Лорд Чарльз решил дилемму довольно простым способом – сбежал вместе с Сильвией, а ее отец тайно обвенчал их.

Герцогу доложили об их свадьбе только после того, как пошла вторая неделя их медового месяца.

Узнав о том, что случилось, он впал в бешенство, и семья испугалась, как бы с ним не приключился апоплексический удар.

Впервые один из его детей посмел ослушаться, и он просто не мог поверить, что нечто подобное произошло на самом деле.

Однако поскольку бракосочетание уже имело место быть, он ничего не мог поделать, но немедленно вычеркнул лорда Чарльза из своего завещания.

Он заявил сыну, что отныне тот – нежеланный гость в собственном доме, и запретил упоминать его имя в своем присутствии.

К счастью, лорд Чарльз располагал некоторой суммой, которую оставила ему крестная мать и коей оказалось достаточно, чтобы приобрести небольшой домик с участком неподалеку от того места, где жил отец Сильвии.

К еще большему счастью, он был отличным наездником и очень любил лошадей.

Изучив рынок, он обнаружил, что можно дешево купить молодую лошадку, объездить и выдрессировать ее, а потом продать втрое или даже вчетверо дороже того, что он заплатил за нее.

К тому времени как Майкл вырос и повзрослел, его отец уже был хорошо известным и уважаемым торговцем лошадьми не только в своем, но и в окрестных графствах. Любой, кому требовался хороший гунтер, мог приехать к лорду Чарльзу и редко оставался неудовлетворенным.

Благодаря этому Майкл смог отправиться на учебу в Итон и Оксфорд безо всякой помощи со стороны своего деда-герцога.

Он очень хотел поступить в армию и, решая, какой полк выбрать для прохождения службы, влюбился с первого взгляда, подобно своему отцу.

Вот только, в отличие от родителя, его избранница отнюдь не была дочерью безвестного vicar.

Граф Уоргрейв устраивал один из самых роскошных балов в сезоне в честь своей дочери, которая к тому времени уже считалась одной из первых красавиц Лондона.

Майкл был весьма привлекателен, и леди Фелицата несколько раз танцевала с ним, после чего убедила свою мать пригласить его на все приемы и балы, которые были даны в ее честь.

Всякий раз, встречаясь с девушкой, Майкл все сильнее влюблялся в нее.

Леди отличалась не только необыкновенной красотой, но и острым умом. Они смеялись над одними и теми же шутками и разделяли интересы друг друга.

Это убедило Майкла в том, что они буквально созданы друг для друга.

Впервые поцеловав Фелицату, он испытал райское наслаждение и тут же осведомился, когда они смогут пожениться.

– Я подумаю об этом, – ответила та. – Было бы ошибкой поспешить в столь важном деле.

– Я тороплюсь, потому что желаю, чтобы вы были рядом! – вскричал Майкл. – Я люблю вас, моя дорогая Фелицата, и знаю, что и вы любите меня.

– Мне нравится быть с вами, Майкл, – отозвалась девушка, – а когда мы танцуем, на нас смотрят все, потому что вы такой красавец...

– Как и вы, – закончил вместо нее Майкл.

И они рассмеялись.

Майкл решил, к какому полку присоединится сразу же после свадьбы.

Его не особенно беспокоил вопрос о том, на что они будут жить, поскольку он знал, что у Фелицаты есть небольшой собственный доход, а его отец никогда ни в чем ему не отказывал. Он был хорошо обеспеченным молодым человеком.

«Мы справимся, – говорил себе Майкл, – и будем счастливы вместе».

Неделей позже его мечты развеялись как дым.

Он получил письмо от Фелицаты, в котором она писала, что хочет увидиться с ним, и отправился в дом ее отца на Парк-лейн, который к тому времени был ему уже хорошо знаком.

Дворецкий проводил молодого человека в небольшую гостиную на первом этаже, где они так часто оставались наедине. Судя по всему, мать Фелицаты ничуть не возражала против такого нарушения приличий.

Фелицата, казавшаяся сейчас еще красивее, уже ждала его.

Едва только дворецкий затворил за ним дверь, он подошел к ней и заключил ее в объятия. Он бы наверняка поцеловал ее, но она подняла руку и приложила пальцы к его губам.

– Мне нужно кое-что сказать вам, Майкл, – начала она.

– Я хочу поцеловать вас, – настаивал он.

– Сначала вы должны выслушать меня.

– Очень хорошо, – улыбнулся он, – но поспешите.

К его удивлению, Фелицата высвободилась из его объятий и отошла к камину, где и остановилась, повернувшись к нему спиной и глядя в огонь.

– Что случилось? – спросил Майкл. – Что происходит?

– Я не знаю, как сказать вам.

– Сказать мне что?

Воспоследовала долгая пауза, после чего голосом, который он едва расслышал, Фелицата пробормотала:

– Я выхожу замуж за Саймона Харрингтона.

Майкл оцепенел.

Он не мог поверить в то, что только что услышал, – должно быть, произошла какая-то ошибка.

– *Что* вы сказали? – переспросил он.

– Мне очень жаль, Майкл, и я знаю, что вы расстроитесь, но папа и мама пребывают в полном восторге, как вы можете себе представить, и, хотя я люблю вас, мы не смогли бы жить счастливо, располагая столь незначительными средствами.

– Зато мы были бы вместе...

Он не узнавал собственный голос, не мог поверить в то, что услышал.

Она не отвечала, и Майкл спросил:

– Но что, *ради всего святого*, заставляет вас поступить так?

Впрочем, он уже знал ответ. Саймон был старшим сыном герцога Камбрии, так что Фелицате не было нужды объяснять ему что-либо.

Собственно говоря, им нечего было больше сказать друг другу.

На мгновение Майкл уже решился было умолять ее передумать, сказать, что очень любит ее и знает, что она отвечает ему взаимностью. Но здравый смысл подсказал ему, что это бесполезно.

Саймон мог предложить ей титул, а Майкл знал, что именно этого жаждут все девушки высшего света.

В этом сезоне Фелицата добьется несомненного успеха, о котором только и будут говорить, – еще бы, первая красавица, заключившая столь выгодный матримониальный союз.

Он понимал, что потерпел поражение, и потому молча развернулся и вышел из комнаты.

Закрывая за собой дверь, он услышал, как Фелицата окликает его, но не обернулся и спустился вниз, перепрыгивая через две ступеньки.

Тем же вечером он присоединился к полку, который чуть ли не на следующий день отправлялся в Индию.

Поскольку он чувствовал себя уязвленным, а в душе его кровоточила рана, которая, как он полагал, никогда не заживет, едва достигнув Индии, Майкл добровольно изъявил желание принять участие в Большой игре.

Ему сопутствовал успех, потому что он заставил себя сосредоточиться на том, что делает, не желая вспоминать мягкость губ Фелицаты и огонь, что она разжигала в нем.

Разумеется, в его жизни потом появились и другие женщины.

Он не был бы мужчиной, если бы не ответил на знаки внимания, которые столь охотно они оказывали ему, потому что был красив и обладал неотразимым очарованием, которое унаследовал от родителей.

Но при этом он никогда не затевал любовных интриг с молодыми девушками. Здесь было много замужних женщин, чьи мужья отправились на северо-западную границу или сражались в невыносимую жару на равнинах.

В глубине души он презирал их за неверность, но не находил в себе сил отказать им в том, что они предлагали ему, потому что это помогало ему забыть Фелицату.

Его отец и мать были счастливы вместе, и лорда Чарльза ничуть не беспокоило, что он стал изгоем в собственной семье, подобное положение его вполне устраивало.

Майкл же никогда не задумывался о том, сколь много значит для женщины громкий титул, ради которого она готова отказаться от обладания сердцем мужчины.

* * *

В Индии он понял, что большинство людей разделены на сословия в соответствии с собственным титулом или титулами тех, с кем они поддерживают отношения.

С циничной усмешкой он наблюдал за тем, как англичане раболепствуют и пресмыкаются перед вице-королем, а еще его изрядно забавляло, что индийцы полагают своих махараджей едва ли не божественными созданиями, сошедшими с небес.

И потому он чуть ли не с облегчением, отбросив сомнения, вступил в борьбу с русскими, чьи намерения проникнуть в Индию и покорить ее становились все опаснее.

Большинство полагало, что русским ни за что не удастся вывести Индию из-под британского влияния, хотя на самом деле эта задача была им вполне по плечу. Не было никаких сомнений в том, что именно они стояли за беспорядками на северо-западной границе.

Российскими агентами влияния кишели каждая община и населенный пункт, они создавали проблемы и устраивали беспорядки, отчего любому молодому офицеру, подобно Майклу, было крайне опасно вмешиваться в подобные дела.

Он особенно отчетливо понял это, едва не напоровшись на остро заточенный кинжал однажды темной ночью.

А в другой раз лишь шестое чувство помогло ему в последнюю секунду избежать расставленной для него ловушки.

Сейчас, в возрасте двадцати семи лет, о нем отзывались, как ему самому было прекрасно известно, как о наиболее ценном порученце правительства и лично вице-короля Индии.

Он чувствовал удовлетворение, когда его совета спрашивали представители Комитета начальников штабов или когда дипломаты, генералы или правительственные чиновники, прибывавшие с визитом из Англии, приветствовали его как равного.

Но теперь, отправляясь домой, он спрашивал себя, что ждет его в Англии.

Его отец скончался три года тому вслед за матерью, которая умерла годом ранее.

Майкл не смог тогда вырваться к ним на похороны, поскольку расследовал дело о тягчайшей государственной измене, когда-либо случавшейся в Большой игре.

Он просто не мог уехать, а когда успешно довел дело до конца, было уже слишком поздно.

Он знал, что дома его ждет особняк, который оставил ему отец, и достаточная сумма помимо той, что он заработал на службе, чтобы жить, ни в чем себе не отказывая.

Но этого, с горечью думал он, всегда будет бесконечно мало для таких женщин, как Фелицата, которые отчаянно желали обзавестись герцогской короной и миллионами фунтов в придачу.

Быть может, когда-нибудь он все-таки встретит женщину, которая полюбит его ради него самого и разделит с ним жизнь со всеми ее радостями и горестями.

Но он тут же цинично напоминал себе, что цель эта чересчур оптимистична, поскольку все женщины одинаковы и титул, как и в случае с Фелицатой, значит для них куда больше любви.

Не исключено, что ему никогда не повезет так же, как отцу, сбежавшему вместе с матерью и, как было прекрасно известно Майклу, не сожалевшему об этом ни дня.

Более того, он часто говорил сыну:

– Я очень счастливый человек, Майкл. Стоит мне вспомнить своих братьев, которые не поддерживают со мной никаких отношений, как мне становится жаль их. Представляешь, какая это скука – каждый день сидеть напротив женщины, с которой у тебя нет ничего общего?

«В сущности, это означает всего лишь, – частенько говорил себе Майкл, – что мне даже не стоит *помышлять* о женитьбе. Отец прав: если бы мне предстояло провести жизнь с одной из тех женщин, которых я встретил в Индии, я бы сошел с ума».

Подобно многим другим мужчинам, он обнаружил, что женщин, в общем-то, не интересует ничего, кроме любви. И если мужчина пытался заговорить о чем-либо ином, они всегда умудрялись повернуть разговор таким образом, что он неизменно возвращался к прежней, излюбленной ими теме.

Майклу иногда хотелось хотя бы с кем-нибудь поговорить о том, чем он занимается. С кем-нибудь, кому приключения и треволнения его новой жизни доставляли бы не меньше радости и удовольствия, чем ему самому.

И если сыскать такую женщину невозможно, значит, он не женится до тех пор, пока участвует в Большой игре.

Женщины говорили слишком много и частенько не могли держать язык за зубами. Майкл же никогда не поверял им свои тайны и убеждал себя в том, что этого никогда не произойдет.

Отсюда следовало, что ему суждено остаться холостяком.

И вот теперь, возвращаясь домой, он спрашивал себя, куда ему следует направиться, где лучше остановиться.

Разумеется, он навестит родовое гнездо, тем более что от пожилой четы, присматривавшей за ним, он знал, что дом пребывает именно в том состоянии, в каком оставили его родители.

Впрочем, перспектива оказаться в совершенном одиночестве в глухой провинции, где ему решительно нечем будет заняться, не казалась такой уж привлекательной, разве что он возьмется объезжать тех многочисленных лошадей, что оставил ему после смерти отец.

«Можно наведаться в Лондон», – сказал он себе.

И он начал прикидывать, кто из его прежних друзей будет рад возобновить знакомство.

Разумеется, среди них были и те, кто вернулся из Индии и отзывался о нем в высшей степени положительно, поскольку знали, как высоко ценил его вице-король, но все-таки большинство из них были людьми уже весьма зрелого возраста.

Среди его знакомых были и несколько членов кабинета министров и даже королевских чиновников, но после возвращения в родные пенаты Майкл едва ли осмелился бы побеспокоить их своими проблемами.

Пароход, на котором он плыл, едва успел войти в Средиземное море, как Майкла стали одолевать мысли о том, что в Англии ему будет скучно и одиноко, поскольку он слишком долго пробыл за границей.

Но потом он вспомнил о друзьях, коими обзавелся в Оксфорде, и решил, что уж они-то будут рады увидеть его вновь, пусть даже кое-кто из них женился за время его отсутствия, а другие разъехались по стране.

При этом он спрашивал себя, как скоро сможет вернуться в Индию и вновь принять участие в Большой игре.

Несколько русских погибли после того, как он раскрыл подлый заговор, задуманный ими против вице-короля. Другие сумели заручиться поддержкой местных жителей и убедить их напасть на англичан в то время, когда те, по их мнению, ожидали этого меньше всего.

Погибшие более не представляли угрозы, но ведь были еще и другие, довольно многочисленные их соотечественники, в последний момент догадавшиеся, о чем знал и вице-король, кто предал их.

И они наверняка захотят заставить его заплатить за все.

Как и говорил ему маркиз Дафферин, теперь его взяли на заметку, а у русских, к несчастью, память была долгая.

«Полагаю, я все-таки сумею найти чем заняться», – раз за разом пытался подбодрить себя Майкл.

После того как отправились из Калькутты, он не выходил из каюты до тех пор, пока не миновали Суэцкий канал.

В минувшем году произошло два знаковых события.

Двое мужчин, возвращавшихся из Индии, пострадали в результате «несчастливого случая», приключившегося с ними уже на корабле, на котором они плыли домой.

Один из них глухой ночью по неизвестным причинам свалился за борт, а второго нашли мертвым в его кровати предположительно от передозировки наркотиков, хотя никаких следов снадобья обнаружить не удалось.

Те, кто принимал участие в Большой игре, стали опасаться каждой тени и шороха.

И вот теперь, поскольку с ним ничего подобного не произошло, Майкл считал, что может расслабиться.

Тут в дверь его каюты постучали, и, после того как он крикнул: «Войдите!» – на пороге появился стюард.

– Я подумал, сэр, – сказал он, – что вы пожелаете взглянуть на английские газеты. Они десятидневной давности, но это «Таймс» и «Морнинг пост».

– Очень любезно с вашей стороны, Смит.

Стюард пришелся ему по душе своей предупредительностью, и по приходе в Тилбери он намеревался одарить его щедрыми чаевыми.

– Море спокойное, сэр, и вам не помешало бы выйти на солнышко, – посоветовал ему Смит. – Сейчас вы выглядите куда лучше, чем когда поднялись на борт.

– Что ж, рад слышать, – отозвался Майкл. – Благодаря вам я действительно чувствую себя лучше.

Ему пришлось выдумать предлог, чтобы не выходить из каюты, и он сослался на боли и бессонницу, причину которых лишь недавно установили его врачи.

Стюард, казалось, искренне тревожился о нем.

– Принести вам еще что-нибудь, сэр? – осведомился он.

– Пока нет, благодарю вас.

Стюард направился к двери.

– Сегодня вечером будут танцы, – добавил он, – а на борт только что поднялись несколько очень симпатичных молодых леди. Быть может, вам захочется взглянуть на них, сэр.

Майкл от души рассмеялся.

– Не исключено. Во всяком случае, я подумаю об этом.

– Это пойдет вам на пользу, сэр, к тому же нельзя сказать, чтобы в данный момент на борту наблюдался избыток молодых джентльменов.

С этими словами она закрыл за собой дверь, а Майкл вновь рассмеялся.

Он решил, что Смит, мужчина средних лет, отнесся к нему в некотором роде по-отечески и стремился сделать его пребывание на корабле как можно более приятным.

Кроме того, он проявлял несомненный интерес к тому, чем занимался Майкл.

Паспорт, которым его снабдили, был выписан на имя Мартина Морриса, каковое было единственным ключом к его личности.

Именно вице-король настоял, чтобы он отправился в путь под вымышленным именем, и приказал выписать Майклу новый паспорт.

«Да, они наверняка стремились сохранить мне жизнь, – подумал Майкл, – а Смит заботится, чтобы я не скучал».

Он взял в руки номер «Морнинг пост».

Поначалу, едва прибыв в Индию, он жадно прочитывал английские газеты, которые приходили с трехнедельным опозданием.

Ему отчаянно хотелось знать, что происходит дома, сознавая, что он находится в стране, для которой навсегда останется чужаком.

И вот теперь все было наоборот.

Ныне его интересовали индийские газеты, читать которые он привык, поскольку они рассказывали о том, что было ему знакомо, и давали ощущение личной сопричастности, тогда как Англия представлялась далекой и забытой.

Теперь он сам стал чужим для нее, окончательно оборвав все связи с тем, что было дорого ему с самого детства.

Он пробежал глазами заголовки статей.

Все они касались скандала в парламенте, разразившегося между премьер-министром и лидером оппозиции.

Нашлась в газете и коротенькая заметка о королеве Виктории, и пространное описание какого-то приема в королевской гостиной, состоявшегося в Букингемском дворце, с перечнем имен дебютанток, присутствовавших на нем.

Майкл перевернул страницу и напротив «Придворного циркуляра» заметил колонку с некрологами.

Возглавлял ее герцог Грейнджмур.

Майкл вот уже долгое время не вспоминал деда и даже не знал, жив тот или мертв.

Но вот теперь он умер, и молодой человек медленно прочел некролог в газете.

«...С глубоким прискорбием сообщаем о кончине четвертого герцога Грейнджмура, каковая произошла в поместье Грейнджмур-холл в Норфолке 30 апреля.

В минувшем году его светлости исполнился восемьдесят один год, и на протяжении нескольких последних лет он страдал от тяжелого недуга.

Его старший сын, граф Грейндж, умер пять лет тому, в 1880 году, оставив после себя четверых дочерей.

Второй сын его светлости, лорд Генри Мур, погибший в железнодорожной катастрофе в минувшем году, был женат дважды, но не оставил наследников.

Его третий сын, лорд Чарльз Мур, скончался три года тому, в 1882 году.

Таким образом, наследником герцогского титула становится единственный сын лорда Чарльза, майор Майкл Мур, который в настоящее время служит в Индии.

Поверенные поместья Грейнджмур прилагают все усилия к тому, чтобы снестись с ним».

Затем следовало длинное описание прошлой жизни герцога и предков его и герцогини. Майкл перечел объявление во второй раз.

Но даже теперь он с трудом мог поверить, что все это произошло на самом деле.

Возможно ли это после того, как его отца изгнали из дома и из семьи?

И то, что он, никогда в жизни даже не разговаривавший со своим дедом, теперь должен занять его место в качестве пятого герцога Грейнджмура?

Невероятно, но именно это было написано черным по белому.

Он долго сидел с газетой в руках, словно не мог поверить в то, что все это не сон, а самая настоящая явь. Должно быть, то, что он только что прочел, – лишь игра его воображения.

А потом перед его внутренним взором вдруг всплыла Фелицата, сообщившая ему о том, что собирается выйти замуж за Саймона Харрингтона, потому что тот должен был унаследовать титул герцога.

Сам же он отправился за тридевять земель, в Индию, потому что полагал, будто его жизнь кончена, ведь он потерял ее.

Перед глазами его встали сцены Большой игры, в которой он принимал самое деятельное участие, рискуя жизнью, и все-таки выжил в самых опасных ситуациях.

Картины прошлого проплывали перед ним, словно в волшебном сне.

Он вдруг вспомнил, как примерно год назад в приемной вице-короля кто-то сказал ему:

– Как мне представляется, в Грейнджмуре творятся какие-то странные вещи. Вы не получаете никаких известий от своего деда?

– Нет, не получаю, – коротко ответил тогда Майкл.

– Знаете, я ведь живу в том же самом графстве, – продолжал его собеседник, – и, насколько мне известно, в Грейнджмуре то и дело устраиваются какие-то шумные гулянья. Когда будете в Англии, советую вам разобраться, что там происходит.

Тогда Майкл ничего не ответил, поскольку не видел причины, почему должен объяснять кому-то, что не знает своего деда и даже никогда не видел его, и его решительно не касается, что тот делает или не делает.

«Он очень дурно обошелся с моим отцом, – думал он тогда. – Мы прожили без него все эти годы, а теперь и ему придется обойтись без нас».

А потом он и думать забыл об этом деле.

Зато теперь все сказанное тогда всплыло у него в памяти, и он, обдумывая то, что должен будет сделать по возвращении в Англию, счел эти обстоятельства чрезвычайно странными.

Майкл решил, что первым делом должен будет отправиться к поверенным деда, хотя понятия не имел, кто они такие.

Но затем он вспомнил, что в Лондоне есть особняк, который называется Грейнджмур-хаус. Он видел его на Парк-лейн, когда навещал Фелицату, и даже смутно припомнил, что окна его были закрыты ставнями.

Сам особняк тоже выглядел запущенным, и он тогда еще подумал, что неприглядный внешний вид объясняется тем, что его дед уже слишком стар, чтобы навещать в Лондон.

Очевидно, и его дядя, которых он никогда не видел, тоже предпочитали проводить время в деревне.

И теперь, думая об этом, он счел оскорбительным, что ни лорд Генри, ни его брат даже не попытались снестись с его отцом.

Разумеется, они повиновались приказам старого герцога, но, будучи братьями, могли проявить хотя бы некоторую привязанность или заботу о Чарльзе, который был младше их обоих.

«Если вдуматься, – сказал себе Майкл, – то после женитьбы отца вся семья повела себя крайне неподобающим образом. Как будто он женился на актрисе, принять которую они не могли. Они оказались настоящими снобами, не пожелав принять мою мать. Пожалуй, хотя сама она никогда не заговаривала на эту тему, подобное поведение казалось ей обидным и возмутительным».

Сам он всегда испытывал чувство горечи, думая о деде и других родственниках, и ему представлялось невероятным, что никто из них так никогда и не навещил его отца.

Как и никто не протянул ему руки, когда ему случилось оказаться в Лондоне, со словами: «Я твой двоюродный брат».

«Но вышло так, – думал Майкл, – что теперь я – глава семьи».

При этом он отдавал себе отчет, что отныне на него ложится ответственность за многочисленных дальних родственников, не говоря уже о необходимости достойно нести герцогскую корону и те обязанности, что она на него налагала.

Судя по обрывкам доходивших до него слухов, его дед был очень богатым человеком, но тем не менее счел возможным оставить младшего сына в весьма стесненных финансовых обстоятельствах.

Майкл понимал, что его отцу пришлось нелегко, когда он начал зарабатывать себе на жизнь разведением и дрессировкой лошадей, и что он вынужден был считать каждый пенни, прежде чем потратить их на что-либо.

«Эх, если бы папа был жив, чтобы унаследовать титул герцога, – размышлял он, – это было бы поистине справедливо. А вот для меня это всего лишь досадная помеха, и я понятия не имею, что от меня требуется как от новоиспеченного герцога».

Вновь взяв в руки газету, он рассмеялся.

Жизнь иногда преподносит забавные сюрпризы, не правда ли?

Майор Майкл Мур, который в данный момент даже не мог воспользоваться собственным именем, вдруг, совершенно неожиданно для себя самого, стал пятым герцогом Грейнджмуром.

Глава вторая

На пути из Александрии в Тилбери у Майкла оказалась масса времени, чтобы хорошо обдумать свое положение.

Он понял, что ему все труднее и труднее решить, чем же он должен заняться, когда доберется до Лондона.

Прежде всего, хотя это не имело никакого значения ни для кого, кроме него самого, ему предстояло купить себе новую одежду. Его полковая форма, полевая и парадная, была пошита из очень хорошего материала и чрезвычайно шла ему, но он оставил ее в Индии.

Поскольку времени на сборы у него не было, а на борт корабля он поднялся поздней ночью, с собой он смог захватить лишь штатскую одежду.

Майкл много времени провел в обществе вице-короля, коим втайне восхищался и коему подсознательно подражал.

Маркиз Дафферин был обаятельным и образованным дипломатом, обладавшим к тому же весьма недурными способностями к литературе и искусству.

Кроме того, он был романтиком и оставался денди в самом положительном смысле этого слова.

Любой, кому выпала честь оказаться в обществе вице-короля, поневоле старался выглядеть как можно лучше, потому что сам маркиз Дафферин одевался с безукоризненным изяществом.

И сейчас, глядя на свое штатское платье, Майкл чувствовал смятение, поэтому решил, что первым же делом по прибытии в Лондон отправится к хорошему портному.

Пожалуй, осуществить сие намерение ему было бы нелегко, поскольку услуги первоклассных портных, живших на Сэвил-роу и Сент-Джеймской площади, стоили очень дорого, но теперь, как герцог Грейнджмур, он стал очень богатым человеком.

Изо дня в день надевая один и тот же костюм, он вдруг поймал себя на мысли о том, что уже знает, что именно купит. И почувствует удовлетворение только тогда, когда оденется столь же изысканно, как вице-король.

Впрочем, глядя на себя в зеркало, он не мог не сказать, что он обладает исключительно привлекательной внешностью.

Полная лишений и опасностей жизнь, которую он вел в Индии, сделала его стройным и сильным, заодно придав чертам его лица некоторую резкость.

По обычаю, принятому в его полку, он носил аккуратные маленькие усики, но сбрил их по совету вице-короля перед тем, как подняться на борт.

– Никто не должен догадаться, кто вы такой, – сказал ему маркиз Дафферин, – и потому вам придется изменить внешность. Для вас это не должно представить ни малейших трудностей, Майкл, учитывая, что в прошлом вам довелось примерить на себя не одну личину!

Майкл тогда рассмеялся в ответ, хотя и понимал, что ничего смешного здесь нет. Да, в Большой игре он и впрямь менял маски, но только потому, что они выглядели убедительными, он смог уцелеть и не расстаться с жизнью.

Впрочем, во время плавания по Средиземному морю мысли его были заняты не только платьем.

Корабль ненадолго встал на якорь в Марселе, а потом еще и в Гибралтаре, откуда они вошли в Бискайский залив, бурный и свирепый, по обыкновению.

Через два дня после выхода из Александрии Майкл последовал совету стюарда и присоединился к танцам и прочим увеселениям, кои устраивались для пассажиров.

Он очень внимательно изучил список пассажиров, отметив про себя, что после того, как Индия осталась далеко позади, в нем произошли существенные изменения.

Он обнаружил, что имена людей, находящихся на борту, решительно ему не знакомы, и потому не стал избегать общения с остальными пассажирами, которые, похоже, были только рады ему.

Когда его спрашивали, чем он занимался на Востоке, Майкл отвечал, что путешествовал по делам, что могло означать что угодно, а он старался не вдаваться в подробности относительно своих интересов.

В Гибралтаре можно было купить большинство английских газет, и в одну из них был включен краткий репортаж о похоронах герцога Грейнджмура.

Список тех, кто присутствовал на траурной церемонии, оказался очень короток, и Майкл отметил, что лишь немногие из них принадлежали к членам семьи.

Он вспомнил, как отец однажды рассказывал ему о том, что родственников у него немного и что по большей части они живут в Северной Англии.

«Как только они узнают, что я дома, – размышлял Майкл, – то непременно пожелают засвидетельствовать свое почтение, и мне не придется самому разыскивать их поодиночке».

При этом было бы куда легче, если бы он мог положиться на кого-либо из старших членов семьи, дабы тот мог объяснить ему все, что он хотел знать.

Это могло показаться странным до чрезвычайности, но он не мог припомнить ни единого случая, чтобы отец или мать заговаривали о Мурах. Быть может, всему виной была отцовская гордость, хотя, скорее всего, он не хотел, чтобы факт отлучения его от семьи каким-либо образом повлиял на Майкла или расстроил его.

Словом, в чем бы ни заключалась причина, молодой человек понимал, что знает о своих родственниках очень и очень мало.

Откровенно говоря, о вице-короле или любом другом выдающемся джентльмене, коих он немало встретил в Индии, ему было известно больше, нежели о членах собственной семьи.

Он решил, что, как только доберется до Лондона, то сразу же обратится к поверенным, поскольку, если верить газетному сообщению, они и сами разыскивали его.

Но для начала было неплохо узнать, как их зовут и где расположены их конторы.

Дед, конечно, мог воспользоваться услугами адвоката в Норфолке, неподалеку от которого и находился Грейнджмур, но Майкл счел это маловероятным. А потом он вдруг вспомнил о Грейнджмур-хаусе на Парк-лейн. Кто-либо из тамошних обитателей должен наверняка знать имена поверенных.

Кроме того, ему могли подсказать, кто сейчас живет в Холле.

Итак, приняв решение, он нанял экипаж и приказал отвезти себя в центр Лондона сразу же после того, как корабль пришвартовался в Тилбери.

Поскольку весь багаж у него был с собой, он спохватился, что будет не совсем удобно заявиться с ним в Грейнджмур-хаус, ибо это может создать впечатление, будто он желает немедленно, без предварительного уведомления поселиться в особняке.

Поэтому он попросил кучера отвезти себя в какую-нибудь тихую гостиницу в Мэйфэйре.

– Их там полно, сэр, – сообщил тот, – но они вроде как дороговаты.

– Я не собираюсь задерживаться там надолго, – ответил Майкл.

Его привезли в гостиницу, которая казалась тихой и респектабельной, а когда он поинтересовался, имеется ли у них свободная комната на ночь, таковая обнаружилась за сумму, которую он счел вполне адекватной.

Поскольку вице-король приказал ему не возвращаться в Индию до тех пор, пока это не будет безопасно, он снял со своего счета в банке значительную сумму наличными.

Можно сказать, что служба в армии позволила ему сэкономить достаточно денег, к тому же, вложив их в кое-какие быстро развивающиеся компании в Калькутте, он изрядно приумножил собственное состояние.

Майкл планировал потратить некоторую его часть на ремонт своего дома, и, поскольку тот был невелик, это должно было обойтись ему совсем недорого, но не стоило забывать и о том, что теперь он стал новым владельцем Грейнджмур-холла, который разительно отличался от его родного дома.

Но пока что деньги, совершенно очевидно, особой роли не играли.

Оставив багаж у портье в гостинице, Майкл зашагал по направлению к Парк-лейн. Он думал о том, с каким радостным волнением спешил нанести визит Фелицате, но вспомнил и то, хотя сейчас те события уже не казались ему столь важными, в каком отчаянии покидал ее тогда.

Проходя мимо ее дома, Майкл дал себе клятву, что больше никогда не позволит себе терзаться муками любви.

Никогда более он не будет искать смерти только потому, что какая-нибудь женщина разлюбила его.

Грейнджмур-хаус находился чуть дальше по Парк-лейн, и, подойдя к особняку, он отметил, что тот выглядит в точности так же, как и несколько лет тому.

Окна по-прежнему были закрыты ставнями, а сам дом, казалось, обветшал еще больше. Совершенно очевидно, подумал Майкл, что здесь никто не живет с тех пор, как он в последний раз был здесь.

А потом ему вдруг показалось, будто он вновь вернулся в Большую игру.

Майкл сказал себе, что будет гораздо лучше, если он выяснит положение дел в Грейнджмур-хаусе, не выказывая личной заинтересованности в нем.

Это была всего лишь предосторожность, но Майкл на собственном нелегком опыте усвоил, что, прежде чем сделать очередной шаг, неплохо бы подумать, к чему он приведет.

Его вело словно бы шестое чувство, то самое, что направляло его в Индии и не раз спасало жизнь ему и сотням других людей в борьбе с невидимым врагом.

Он быстро обдумал, что скажет, после чего взялся за молоточек на входной двери, которая отчаянно нуждалась в покраске.

Раскатистый стук показался ему достаточно громким, но ответа не последовало, и он впервые задумался о том, что дом действительно может оказаться необитаем. Пожалуй, здесь не осталось никого, кто присматривал бы за ним.

Он вновь постучал, подождал еще несколько минут и, не получив ответа, обошел дом вокруг.

Особняк, подобно множеству домов на Парк-лейн, был окружен садом, в нижней части которого имелась калитка. Через нее можно было попасть в конюшни, где содержались лошади.

Обойдя дом сбоку, Майкл обратил внимание, что сад пребывает в крайнем запустении. Сквозь заросли сорняков пробивались к солнцу и свету всего лишь несколько весенних цветов.

Чтобы попасть к двери черного хода, нужно было спуститься по каменным ступенькам в подвальную часть здания.

Ступеньки содержались в чистоте, и Майкл заметил, что занавески на одном из окон приоткрыты.

Что ж, по крайней мере, это внушало надежду, и он постучал в дверь.

Вскоре изнутри донесся звук тяжелых шагов.

Дверь ему отворил пожилой мужчина с белыми как снег волосами, и Майкл решил, что перед ним смотритель.

– Прошу прощения, что побеспокоил вас, – начал он, – но я стучал в переднюю дверь и мне никто не ответил.

– Это я должен просить у вас прощения, сэр, – отозвался старик, – но слух у меня уже не такой острый, как раньше.

– Вы не могли бы уделить мне несколько минут?

– Разумеется, разумеется. Входите, сэр.

И старик распахнул дверь черного хода.

Из-за того что он называл его «сэр», Майкл решил, что видит перед собой старого слугу, который хорошо знает, как следует вести себя в подобных случаях.

На полу в узком коридоре лежал ковер, и старик, который пошел первым, отворил дверь в комнату, располагавшуюся прямо перед ними.

Она, как отметил про себя Майкл, была меблирована надлежащим образом: в ней имелся диван, два комфортных кресла, полированный круглый стол и несколько картин на стенах.

– Мы можем поговорить здесь, сэр, – пробормотал старик.

С этими словами он еще немного раздвинул занавески на окне.

– А у вас здесь очень уютно, – заметил Майкл.

Ему показалось, что пожилой мужчина смутился, прежде чем ответить:

– Мы с женой прожили здесь почти пятнадцать лет, но теперь мы оба уже старики, так что, если можно так выразиться, пришло время позаботиться и о собственном уюте.

В голосе его прозвучал вызов, и Майкл понял, что старик перенес сюда мебель сверху и теперь готов доказывать, что имел на это право.

– Я хотел спросить у вас, – начал Майкл, усаживаясь в одно из кресел, – не располагаете ли вы какими-либо сведениями о майоре Майкле Муре. Я учился с ним в Оксфорде, а потом в газетах написали, что он стал герцогом Грейнджмуром.

Пожилой мужчина выслушал его, затем, ничего не ответив, подошел к двери, которую оставил открытой, и крикнул:

– Ма! Ма! Иди сюда!

Издали донесся женский голос, ответивший согласием, и старик замер в ожидании.

Минутой позже женщина вошла в комнату. Как и у супруга, волосы у нее были белее снега, и выглядела она лет на шестьдесят или даже старше.

Вытирая руки о фартук, женщина с удивлением уставилась на Майкла.

– У нас гости, ма, – сообщил ей мужчина. – Это друг мистера Майкла, и он спрашивает, известно ли нам что-либо о нем теперь, когда он стал новым герцогом.

– Этот вопрос мы задаем и себе, – ответила женщина. – В газетах писали, что он служит в Индии, но мы с мужем не видели его до того, как он уехал туда.

– Я просто подумал, что вы могли получить от него какие-либо известия, – стоял на своем Майкл, – но, полагаю, вернувшись домой, он напрямик направится в Грейнджмур-холл.

– И это станет для него настоящим шоком, – отозвалась женщина.

– Почему вы так полагаете? – спросил Майкл, подавшись вперед.

– Осторожнее, ма, – предостерег жену старик. – Мы ничего не знаем, и вообще, это не наше дело.

– Если этот джентльмен – друг майора Мура, – ответила женщина, – мы должны предупредить его.

– Предупредить о чем? – упорствовал Майкл.

Женщина перевела взгляд на мужа, и Майкл заметил, что тот качает головой.

– Я надеялся, – продолжал молодой человек, – что вы поможете мне найти Майкла, ведь мы с ним старые друзья, и я решил, что, вернувшись из Индии, он первым делом наведается сюда, к вам, прежде чем ехать в деревню.

– Мы тоже так думаем, – согласилась женщина, – и я сказала мужу, что мы должны будем рассказать ему о том, что происходит, иначе если он явится туда, ни о чем не подозревая, его ожидает ужасное потрясение.

– Это было бы ошибкой с его стороны, – добавил Майкл. – Насколько я слышал, в Индии он показал себя настоящим храбрецом и сделал себе имя. И теперь, став герцогом, он наверняка пожелает навести порядок и непременно откроет этот дом, если будет останавливаться в Лондоне.

– Именно так я и сказала мужу, – ответила женщина. – Он молодой человек и не захочет заживо похоронить себя в деревне. Он захочет жить в Лондоне, где проходят балы и приемы и можно найти компанию.

Майкл улыбнулся ей.

– Я уверен, что вы правы, поэтому хочу встретиться с ним сразу же, как только он приедет.

– Увы, мы ничего не знаем о нем, – сказала женщина.

– Но я надеюсь, что, когда он придет к вам и, не исключено, поселится здесь, – продолжал Майкл, – вы поможете ему и скажете, что в Грейнджмур-холле его ждут неприятности. В конце концов, насколько мне известно, он никогда не бывал там, да и я, навещая его, гостил в Вустершире.

– То же самое слышала и я, – подтвердила женщина.

Опустившись в кресло напротив Майкла, она продолжила:

– Старый герцог оставил его отца без гроша, и только потому, что тот женился на девушке, которую любил. Это было очень дурно со стороны его светлости, подумала я, когда мне впервые рассказали об этом.

– И когда же это было? – полюбопытствовал Майкл.

– А, много лет тому – мы с мужем приехали сюда сразу после нашей свадьбы. Я была кухаркой, а он – дворецким. У него были два лакея в подчинении, да и у меня на кухне не было недостатка в помощниках.

– Рад слышать. И что же случилось потом?

– Ну, сначала мы устраивали приемы для лорда Джеймса и лорда Генри.

Она коротко рассмеялась.

– Уж они-то веселились от души, когда с ними не было жен.

Старик предостерегающе кашлянул.

– Послушай, ма, следи за своим языком.

– Это все было очень давно, – возразила та. – Но потом, когда они стали старше и мы состарились вместе с ними, приемов больше не было, а у нас отняли всех помощников.

– Должно быть, ваша жизнь изрядно осложнилась.

– Так и есть, сэр, но мы решили остаться. Мы по-прежнему без задержки получали жалованье, а уходить куда-либо, когда мы превратились в стариков, не было никакого смысла.

– Верно, – поддержал ее старик.

– Вы говорили, что в Грейнджмур-холле происходят какие-то непонятные вещи, – пустил пробный шар Майкл.

– Мы узнаём об этом только с чужих слов, когда сюда приезжают слуги, – ответила женщина. – Большинство из тех, кого мы знали, рассчитались, но там еще остались несколько человек, и уж им-то есть что порассказать!

– Так все-таки, что там происходит? – настойчиво продолжал расспросы Майкл. – И почему это должно стать потрясением для моего друга Майкла Мура?

Женщина оглянулась, словно проверяя, не подслушивают ли их, и только потом ответила:

– Это все мистер Сирил! Он останавливался здесь, когда хотел, но от него вечно были одни только неприятности.

– Довольно, ма!

– Но это святая *правда*.

– Послушайте, – вмешался в их перебранку Майкл, – все, что вы мне расскажете, останется между нами, я вас не выдам. Я всего лишь хочу помочь своему другу Майклу.

– Можете передать ему, когда увидите, – сказала женщина, – как сделаю и я сама, что он должен быть осторожен, когда поедет в Грейнджмур.

– Непременно передам.

– Весь минувший год, перед смертью, его светлость пролежал в коме, как мне говорили.

Но мистер Сирил поселился там, еще когда старый герцог был жив.

– А кто такой этот мистер Сирил? Родственник? – осведомился Майкл.

– Какой-то кузен, сдается мне. Насколько я слыхала, он прибыл в Грейнджмур, чтобы приободрить его светлость, так он говорил, во всяком случае, а потом втерся к нему в доверие. А как только его светлость слег, остановить его было уже некому.

– Все, ма, хватит. Ты и так уже много чего наговорила. Быть может, джентльмен соблаговолит выпить чашечку чаю и съесть кусочек твоего бисквитного торта.

Но Майкл уже встал.

– Вы очень добры, но, пожалуй, я лучше съезжу в Тилбери и узнаю, нет ли известий о прибытии майора Майкла Мура на одном из лайнеров Восточно-Островной пароходной компании.

– Верно, он наверняка приплывет на одном из них, – согласился старик.

Майкл немного помолчал.

– Полагаю, вам не известны имена поверенных его светлости? В газетах писали, что они ищут майора Майкла.

– Да, это правда, и они же каждый месяц платят нам жалованье. Где-то у меня был их адрес.

С этими словами он вышел из комнаты.

Когда старый дворецкий ушел, жена его поднялась и подошла к Майклу поближе.

– Передайте своему другу, – сказала она, – чтобы он следил за тем, что делает и говорит. В Холле творятся странные вещи, и мне рассказывали, что там живут такие люди мистера Сирила, которым при жизни его светлости и порог его дома переступить бы не позволили.

– Непременно передам, – пообещал ей Майкл. – Позвольте поблагодарить вас, и я уверен, что майор будет чрезвычайно признателен вам за то, что вы помогаете ему и заботитесь о нем после того, как он столько лет провел за границей.

– Бедный молодой человек, ему пришлось уехать из отчего дома совсем так же, как его отцу. Стыд и позор, как обошлись с лордом Чарльзом, вот как я это называю.

– Я тоже всегда придерживался такого мнения, – согласился Майкл.

В комнату вернулся старый слуга, держа в руке клочок бумаги.

– Вот адрес поверенных, сэр. Быть может, они сумеют помочь вам лучше нас.

– Вы оба очень мне помогли, – ответил Майкл, – и я признателен вам. Уверен, что майор захочет отблагодарить вас, когда вернется.

– Передайте ему, – попросила женщина, – что мы сохраним для него дом в чистоте и порядке. Теперь, когда мы знаем, что он вернется домой, особняк будет выглядеть так же, как в те времена, когда мы впервые пришли сюда.

– Я не сомневаюсь, что сделаете все, что от вас зависит, – сказал Майкл. – А теперь, пожалуйста, скажите мне, как вас зовут.

– Ох, я должен был представиться, сэр, когда вы пришли. Меня зовут Тернер, и передайте майору, что мы еще сможем послужить ему несколько лет.

Он пожал руки им обоим, и Тернер распахнул перед ним дверь черного хода.

Поднимаясь по каменным ступенькам, Майкл помахал рукой миссис Тернер, которая стояла у окна.

По дороге он обдумывал свои дальнейшие шаги.

В одном можно было быть уверенным: в Грейнджмур-холле и впрямь творилось нечто непонятное, как сказали Тернеры. Причем в голосах их явно сквозили нотки страха, когда они рассказывали об этом.

Участие в Большой игре научило Майкла проницательности в отношении всех, с кем сводила его судьба.

По манере разговора Майкл понимал, какие чувства обуревают его собеседника, даже если тот не выражал их словами.

Он отдавал себе отчет, что миссис Тернер разговорилась с ним потому, что более не могла сдерживаться, а сам Тернер испугался того, что она ему наговорила, будучи уверенным, что, если она не замолчит, их ждут большие неприятности.

Но как, спросил он себя, их мог запугать человек, предположительно находившийся за много миль от них?

Человек, который, в чем он убедился воочию, не приезжал в Лондон и не останавливался в доме, за которым присматривали Тернеры.

«Здесь действительно кроется какая-то загадка, – сказал он себе, – и я непременно должен разгадать ее».

Вернувшись в гостиницу, он решил, что не станет тотчас же обращаться к поверенным. Если они замешаны в происходящем, то едва ли он услышит от них правду.

Майкл вознамерился использовать стратегический прием, к которому нередко прибегал в своих тайных операциях в Индии, хотя и представить себе не мог, что он пригодится ему в Англии.

Он побывает в Грейнджмур-холле под чужим именем, прежде чем официально явится туда как новый герцог.

Майкл был уверен, что если отправится туда с барабанным боем и развернутыми знаменами, готовясь занять место своего деда, то виновные постараются быстренько замести следы своих несправедливых деяний, и тогда ему будет чрезвычайно трудно выяснить истинное положение дел.

Он тщательно обдумал слова, сказанные ему в Индии чиновником, прибывшим туда с визитом, и сопоставил с тем, что только что узнал от миссис Тернер.

В поместье явно происходило нечто странное.

Нечто такое, с чем ему предстояло разобраться самым решительным образом.

«Я хочу увидеть ситуацию такой, какова она на самом деле, – сказал он себе, – а не такой, какой мне ее представят, когда я приеду туда».

Войдя в гостиницу, он увидел, что его багаж по-прежнему стоит в фойе.

– Вы вернулись, сэр, – приветствовал его швейцар, – а я как раз спрашивал себя, надолго ли вы отлучились.

– Да, вернулся, – отвечал Майкл, – но, к несчастью, вынужден срочно уехать в деревню.

– Какая жалость, сэр.

– Но мне нужна ваша помощь. Подскажите, где я могу нанять экипаж, запряженный парой хороших лошадок, которым мог бы править сам?

– С удовольствием, сэр. Платная конюшня находится через одну улицу отсюда, на Пиккадилли. Она лучшая в Лондоне, и я уверен, что там вам смогут помочь, хотя это и крайне необычно для джентльмена – самому править взятым у них напрокат экипажем.

– Благодарю вас. Я немедленно отправляюсь туда и, разумеется, сообщу, что это вы порекомендовали мне обратиться к ним.

Швейцар, яростно жестикулируя, принялся объяснять ему, как найти платные конюшни на Пиккадилли.

Прибыв туда, Майкл потребовал, чтобы его провели к владельцу или управляющему, и, поскольку это оказался один и тот же человек, его пригласили к нему в контору.

Майкл, привыкший иметь дело с людьми самого разного сорта, получил именно то, что ему было нужно, причем в самое короткое время.

Он предложил, и управляющий с ним согласился, внести значительную сумму на счет конюшни, чтобы иметь возможность выкупить лошадей и экипаж в собственность, если они ему понравятся. И наоборот, если они ему более не понадобятся, он готов заплатить повышенную арендную плату за то, что воспользовался ими.

К счастью, Майкл располагал нужной суммой наличными, посему ему не пришлось открывать свое настоящее имя, и он мог и далее оставаться Мартином Моррисом.

Подписав требуемые бумаги, он вместе с управляющим отправился инспектировать лошадей. Две из них показались ему превосходными – ему сказали, что приобрели их совсем недавно.

Откровенно говоря, управляющему явно не хотелось расставаться с ними, но вскоре Майкл сумел уговорить его.

Кроме того, ему разрешили выбрать самый комфортный экипаж на рессорах из дюжины имевшихся в наличии, и сделка состоялась.

Затем Майкл попросил, чтобы и лошади, и экипаж через три четверти часа ждали его у гостиницы.

– Перед тем как отправиться в путь, я намерен пообедать, – сказал он, – после чего уеду в деревню.

– Не понимаю, сэр, как вам удалось уговорить меня расстаться с моими лучшими лошадьми и экипажем, – с горечью заявил ему управляющий.

– Обещаю, что вам не придется сожалеть об этом, – ответил Майкл.

Он знал, что, прибегнув к собственным методам и средствам убеждения, неизменно получал то, что ему нужно, а сейчас как раз намеревался отправиться в Норфолк со всеми удобствами.

Подкрепившись изысканным обедом, он обнаружил, что новое приобретение уже ожидает его снаружи.

Майкл одарил швейцара щедрыми чаевыми и поблагодарил за оказанные услуги.

Его багаж уже был привязан на задке кареты, и он тронулся в путь.

Проезжая по Парк-лейн, он окинул взглядом Грейнджмур-хаус и подумал о том, как сильно помогли ему Тернеры.

«Я распорядюсь отреставрировать особняк, – сказал он себе. – Тернер вновь станет дворецким, а миссис Тернер получит всю помощь, какая ей только потребуется на кухне».

Но тут внутренний голос предостерег его, что цыплят по осени считают и впереди его ждут многочисленные проблемы.

Проблемы, которые должны быть решены до того, как он, ничего не опасаясь, займет место пятого герцога Грейнджмура.

Ему бросили вызов, и он принял его!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.